

Владислав Гербович

« ...У меня много планов на будущее»

Из дневников полярника

Владислав Гербович учился на курс старше меня на престижном океанологическом факультете Ленинградского гидрометеорологического института. Высокого роста, классического телосложения и с красивыми чертами лица — с него вполне можно было лепить Аполлона. Студенты звали его Папа, и не столько за его внешние данные, сколько за удивительно железную волю и целеустремленность. Студентки заглядывались на него, но с первого же курса его любимой девушкой, а после окончания института женой была Гета (Гертруда) — хрупкая, миниатюрная однокурсница с красивыми, тонкими чертами лица, в ней одновременно чувствовались и характер, и высокая внутренняя культура. Хорошо помню, как подолгу стояли они вечером перед расставанием, взявшись за руки, прежде чем Гета уходила наверх, в женскую часть общежития.

Первые два курса Владислав ходил в солдатской шинели и в потёртом лыжном костюме, даже в театр и на концерты, куда нам, студентам, иногда давали бесплатные билеты. Все годы учёбы он активно занимался спортом: лыжами, коньками и особенно борьбой самбо. Для укрепления мышц кистей рук постоянно жал небольшой резиновый шарик. Для экономии готовил себе пищу на общей кухне общежития или кооперировался с товарищами по комнате. Лишь изредка баловал себя покупкой дешёвых конфет. Молодой здоровый румянец играл на его щеках, но на лицо он был обычно суров, улыбался лишь краешком рта. Суровы были и его светлые глаза, но уже тогда сочетались его требовательность к себе и к окружающим со стремлением быть во всём справедливым.

Не имея никакой материальной помощи в годы учёбы, он был вынужден постоянно подрабатывать, берясь за любую работу, включая традиционную для студентов разгрузку вагонов. И когда комендант нашего общежития предложила Гербовичу организовать бригаду для пилки и колки дров в подвале общежития, он пригласил меня с однокурсником Афанасием Бродиловым. Помню, когда первым заходишь в тёмный подвал, подходишь к рубильнику и включаешь свет, начинался дикий шум — это бежали испуганные крысы. Брр! Комендант общежития жила в блокаду в этом доме. Она рассказывала, что тогда зимой приносили в подвал из этого и соседних домов замерзшие трупы и укладывали их штабелями, а затем вывозили на машине. Неприятное место этот подвал.

Работали мы по вечерам три дня в неделю по 2–3 часа. Владислав, как бригадир, сам пилил большой стационарной электропилой (это было опасное место работы), а мы с Афанасием подносили и держали при пилке брёвна, оттаскивали в сторону отпиленные поленья, а затем все вместе кололи и складывали в поленицу. Много было осины, она кололась легко, а вот берёза,

особенно её толстый витой комель, требовала больших усилий, и Владислав, жалея нас, всю берёзу колот сам. Он был по своей природе лидером, и ему легко было подчиняться, крика от него не услышишь. Во всём он требовал от нас добросовестной работы. Расколотые дрова аккуратно складывали в поленницу, после работы щепки и опилки на полу подметали в кучу метлой. Дрова по этажам разносили уже истопники. Так проработали мы втроём две зимы. Постепенно в общежитии с печного отопления перешли на паровое, и работа наша в подвале закончилась, сдружив нас на всю последующую жизнь.

После окончания института Гербович два года служил офицером на Северном флоте, а демобилизовавшись, поступил на службу в Институт Арктики и Антарктики (АНИИ). Вот это была работа для него. Здесь, в тяжелейших природных условиях, проявились его лучшие качества. Сперва он участвовал в высокоширотной экспедиции на ледорезе «Фёдор Литке», затем провел две зимовки на дрейфующей станции Северный полюс (СП-4 и СП-7), но основная часть его работы пришлась всё же на антарктические экспедиции.

Шестая Советская антарктическая экспедиция (1960–1962 гг.)

При очередной встрече Владислав рассказал, что эта зимовка в Антарктиде была для него первой на континенте, самой интересной и в то же время наиболее трудной и даже драматичной. В то время в Антарктиде работали три советские станции: «Мирный» и «Лазарев», расположенные близ океана, и «Восток», находящийся на южном полюсе недоступности. Но станция «Лазарев» была расположена на шельфовом леднике около его края, а это опасно, станцию может оторвать и унести в океан на айсберге. Поэтому было решено ее законсервировать, а новую станцию открыть в 100 км от берега, у оазиса Ширмахера. Гербовичу было поручено подыскать место и построить эту станцию. На борту дизельэлектрохода «Обь» во время плавания к берегам Антарктиды он делает такие записи в свой дневник.

18 ноября 1960 года, пятница

Отличная, даже жаркая погода. Часто видим летающих рыбок и дельфинов, а многие, те, кто часто стоит около борта или на носу, видели акул. Летающие рыбки выскакивают из воды и проносятся, трепеща крыльями-плавниками, в воздухе над водой, преодолевая порой по 200 метров. А дельфины?! Можно подолгу смотреть, как они плывут параллельно с нами или перед носом, летят под водой, потом выскакивают грациозно в воздух и опять уходят под воду. Эти наблюдения создают какое-то расслабленное настроение, созерцательное, не хочется думать о прошедшей подготовительной суете, не хочется думать о предстоящих трудностях, просто стоишь и наблюдаешь, хотя в голову и приходят воспоминания о прошедшей жизни, но это хорошие воспоминания. Ведь о летающих рыбках я только читал в книгах, но ни разу не видел живыми, летающими. Ну дельфинов я видел, когда плывал на «Рынде», но акул не видел. Сейчас я всё это вижу не в кино, а наяву. В голове проплывают разные мысли. Как хорошо, что я, преодолев препятствие, вылез из этого болота юношеской жизни, удержался за волосок в ЛГМИ, осуществил свою детскую мечту и пробился в полярники, а теперь наслаждаюсь этим океанским простором, этой лёгкой качкой на небольшой зыби, этой отличной погодой, чистым воздухом. А впереди меня ждут новые приключения.

Однако в дневниковых записях Гербовича всё чаще звучат тревожные ноты: «Что-то не в порядке со здоровьем. Усиливается общая слабость, боли в животе, нет аппетита. Что это? Белокровье? Пока никому не говорю. Забываюсь в

работе. До отплытия «Оби» от Антарктиды в обратный путь надо принимать решение: возвращаться или оставаться на зимовку».

Следующая запись сделана на борту «Оби» за день до высадки полярников на континент.

10 декабря 1960 год, суббота

В 10 часов начал собрание, на котором перед составом, идущим на строительство новой станции, рассказал о планах строительства, о плане организации перевозок, об объёме строительства. А после чая был проведен инструктаж по технике безопасности при разгрузочных работах, на котором я тоже выступил и вспомнил поступок Хмары. Тот в первой экспедиции при разгрузке на припае, увидев проваливающийся под лёд в трещину трактор, из которого тракторист уже выпрыгнул, решил совершить геройский поступок. Прыгнул в кабину, захлопнул за собой дверцу, включил скорость и тронулся, но лёд не выдержал, и Хмара вместе с трактором ушёл под лёд и погиб... Так вот я этот поступок, который всё время представляли как героический, охарактеризовал как отрицательный и рекомендовал всем не пытаться с риском для жизни спасать технику или имущество. Для многих это был неожиданный поворот при устоявшихся взглядах, но при трезвом рассмотрении все согласились со мной. Техника не стоит жизни! Это во время войны воспевались поступки, когда люди погибали, пытаюсь спасти самолёт или танк.

Главное — осмотреть оазис Ширмахера, где намечено место для строительства новой станции. И мы полетели. В районе оазиса подсели на ровную поверхность ледника, где в будущем можно оборудовать взлётно-посадочную полосу для больших самолётов.

С воздуха оазис предстал узкой полосой коренных, скальных пород, вытянутой с востока на запад на 17 километров и шириной до 1500 метров, то есть в соотношении десять к одному. Видно было, как эта каменная полоска сдерживает движение ледника с юга, уже в пятидесяти километрах от Ширмахера высота ледника доходит до 1000 метров, тогда как с юга оазиса конфигурация напоминает морские заливчики, бухточки с ровной поверхностью на уровне моря.

Самолёт АН-2 может садиться на неподготовленные участки, поэтому мы приземлились в восточной части оазиса на снежной полосе между сопки и прошли к месту, рекомендованному для строительства. Погода была отличная, солнце пригревало, снег и лёд ярко блестели, а скальные породы были настолько прогреты, что мы обнаружили небольшое озерцо метров пять в диаметре с чистой водой. Место для строительства было чудесное. И вообще, всё вокруг было, как в сказке. Удивительно. А меня ещё как-то подогревало осознание того, что я ступаю по таким местам, мои ноги идут по таким скалам, камням, где другие человеческие ноги ещё никогда не ступали! Передать это ощущение чистоты и девственности природы невозможно.

Следующая запись сделана во время переезда на санно-гусеничном транспорте от станции «Лазаревская» до оазиса Ширмахера.

15 декабря 1960 года

...Погода солнечная, без очков работать невозможно, меня выручают защитные очки, купленные в Кейптауне, но лицо, как и у всех, обгорело, красное, кожу жжёт, губы потрескались и кровоточат, пытаюсь приладить защиту из полотенца и носового платка на щеки и нос, которые обгорели больше всего. Движение начали в 22 часа. Шли, придерживаясь следа впереди идущей машины. Зону трещин прошли благополучно.

Но дальше мы встретились с препятствиями, которые ну никак не могли предвидеть! Пожалуй, и никто не мог предположить, что такие препятствия возможны в Антарктиде! Можно обобщить и сказать кратко — ВОДА! Но вода

в виде снежных болот, озёр с дном и берегами из льда, горных ручьёв и речек с бурным течением с крутыми ледяными берегами. Откуда вода?! Оказалось, что это полярный день с круглосуточным Солнцем, которое не только обжигало наши лица, щёки, носы и губы, но и растапливало ледники, лежащие к югу от оазиса Ширмахера и имеющие крутой уклон к северу, то есть как раз в сторону Солнца, лучи которого падали почти перпендикулярно к поверхности этого участка ледника. Шло интенсивное таяние.

Голубые ручейки сливались в ручьи, и быстрым течением вода протачивала лёд, образуя обрывистые высокие берега, ручьи переходили в речки, ширина которых доходила до 5–10 метров, речки, попадая в ложбины, образовывали озёра, причём если это была заснеженная ложбина, то снег пропитывался водой, и получалось снежное болото. Тягачи проваливались в такие болота по самую кабину, сани вязли, гусеницы скользили по ледяному дну, и тягач самостоятельно не мог выбраться из ловушки. Приходилось лезть в эту снежную кашу, расцеплять сани, другим тягачом, стоящим на берегу, через лебёдку вытаскивать застрявший тягач, а затем общими усилиями вытягивать сани. Ручьи старались переезжать поперёк, но гусеницы тягачей скользили по крутым ледовым берегам, буксовали, а сани ударялись о берега, и груз на них, щиты домиков и доски начали разваливаться. Никто не ожидал, что груз будет подвергаться таким встряскам и ударам, крепления не выдерживали, приходилось останавливаться, перекладывать груз, заново крепить и увязывать. И это повторялось уже не помню сколько раз.

17 декабря 1960 года

На место строительства прибыли только в 00 часов 30 минут и сразу приступили к установке домиков Шапошникова. К утру собрали полы и часть стен, поели и легли спать.

Получил радиogramму от Дриацкого:

«Новой внутриконтинентальной станции оазис Ширмахера присвоено название Новолазаревская».

Нам всем это название станции не понравилось. Долгое. Уж лучше бы назвали её, как мы предлагали, «Ленинградская». Тоже долгое название, но оно соответствует составу станции, мы почти все ленинградцы.

Вечером ко мне зашёл водитель «Пингвина» Захаров: «Можно мне с вами поговорить?» — «Пожалуйста».

— Я старше вас. Воевал, потом работал на Кировском заводе в Ленинграде, дошёл до начальника цеха, по рекомендации попал в Антарктиду, зимовал в составе 5-й КАЭ на станции «Лазарев» с Дубровиным. Жизненный опыт у меня большой, и под начальством ходил, и в начальниках был. Сейчас я приглядываюсь к тому, как вы руководите составом, и сравниваю. Видно, что вы служили на флоте, ходите всё время в морском кителе или в белой рубашке с чёрным галстуком и в морской тужурке, завели на станции военную дисциплину, требуете, чтобы все соблюдали распорядок дня, обязательно являлись к определенному времени на приём пищи, чтобы не ругались матом, ну и другие подобные порядки. А у Дубровина на станции «Лазарев» всё совсем по-другому. Всю зимовку у нас склад с продуктами не запирался, можно было прийти и взять что хочется, что нравится. Ну, если это платное довольствие, то нужно было записать в книгу учёта на своё имя, что взял. Было полное доверие. А у вас выпить можно только за общим столом и только по субботам, так вы объявили. Вы являетесь на завтрак первым, всегда выбриты и всегда со свежим подворотничком, сидите и следите, все ли явились в кают-компанию, а если кто-то не пришёл, то идёте и проверяете. Это всех держит в напряжении. Дубровин таких строгостей никогда не придерживался. Его кабинет рядом с кают-компанией, и он часто являлся в кают-компанию, когда уже все позавтракали. Мог прийти в одном нижнем белье и в опорках, — это обрезанные валенки, как боты, — как крестьянин, он и называл себя «христиани-

ном». Войдёт в кают-компанию в таком виде, почёсывает грудь и опрашивает: «Ну, а мне, «христьяне», что-нибудь оставили?» Все улыбаются, и это снимало напряжение. И матом ругался. Вёл себя как простой русский человек. У вас же такой простоты нет. Вы давите на людей. У Дубровина — демократия, а у вас — диктатура.

Мне это определение не очень понравилось.

— Ну, вы свою задачу уже выполнили. Вы должны были разведать и показать нам дорогу к оазису Ширмахера. Теперь мы и сами можем искать новые пути, да наши водители так и делают. Что же вы стоите на нашей станции, где диктатура, и не уезжаете в демократию?

— Если честно, то у вас питание лучше, да и выпивка по субботам есть, и настрой у состава какой-то задорный, все хотят скорее построить новую станцию и сделать лучше. Я удивляюсь на ваших водителей, я-то их работу хорошо представляю. Дорога очень трудная, они страшно устают, им приходится лазать в ледяную воду, когда отцепляют и прицепляют сани к тягачу, всё время мокрые, недосыпают и всё время стараются уйти в очередной рейс. Вы их словно заразили энтузиазмом.

10 января 1961 года

У самого большого насмешника, Бабуцкого, случилось несчастье — лопнула губа, и теперь он от всех смеющихся старается держаться подальше, так как даже улыбаться не может, от улыбки трещина расходится, а это болезненно. Старается говорить только серьёзные речи. Вероятно, от большой сухости воздуха и сильного солнечного облучения губы потрескались у всех, превратились в коросты из крови и гноя, обгорели носы и лица, кожа уже слезла по нескольку раз. В будущем нужно будет это предусмотреть и брать какие-нибудь мази, заготавливать защитные маски.

Строительство станции идёт успешно, несмотря на некоторые сбои, и огромную роль в этом играет энтузиазм всех участников строительства. Моё настроение понятно. Я руковожу строительством новой станции, в которую много вложил. Мне хочется, чтобы она была лучшей, красивой, удобной, поэтому я и выкладываюсь.

Погода хорошая, слабый ветерок. Носы у всех обгорают здорово, кожи не осталось совсем, чуть задел, и течёт кровь. Быстро сохнет кожа на лице и руках.

12 января 1961 года. Четверг

...После обеда с Федотовым сходили к западному озеру и провели замеры глубины, которая доходит до 10 метров. Если вода заполнит южную ложбину, верхнее южное озеро сольётся к месту строительства...

Подождало время обеда, но канал ещё не прорыли, и все решили работать до окончания прокладки канала. Проснувшиеся к обеду водители тоже приняли участие в работе, даже повара, бросив кухню, пришли к каналу. Наконец, вода вошла в канал, и все отправились в кают-компанию обедать.

После обеда повёл весь состав на строительство плотины, которую решили строить из камней, чтобы перегородить поток воды, идущий через станцию, поднять уровень в верхнем озере, что увеличит поток воды, идущий через канал. За час интенсивной работы построили плотину из камней, длиной 15 метров, высотой около метра. Даже за время строительства вода в верхнем озере поднялась на 50 сантиметров. Плотину поставили между сопками, западнее места строительства, там, где вода переливалась из верхнего озера по ложбине. Поток воды через стройку заметно убавился, а в канале воды стало значительно больше, водой его начало расширять и углублять.

Просили выдать спирт по случаю такого успешного аврала, но я устоял, отказал, отложив до завтрашнего дня, до бани, до субботы. Болят руки и сорванные камнями ногти, в плечах все мускулы растянуты и тоже болят.

Хотя опасность и миновала, но я наказал дежурному быть особо бдительным и будить меня при малейшем подозрении на угрозу станции со стороны воды.

Ну кто же мог предположить, что нам в Антарктиде при строительстве станции на коренных скальных породах будет грозить НАВОДНЕНИЕ?!

13 января 1961 года. Пятница

Ну, сегодня приметы оправдались: 13 число, да ещё и пятница.

Лёг спать в час ночи, но спал тревожно, даже во сне думал о тягачах и о воде в верхнем озере.

Встал в 8 часов и сразу пошёл к верхнему озеру. Река, от ледника ведущая к озеру, превратилась в глубокую горную речку. Уровень озера очень быстро поднимался, и вода начала просачиваться через каменистую ложбинку западнее места строительства. За завтраком объявил об угрозе наводнения, объяснил меры, которые собираюсь предпринять, — рыть канал в снежнике для спуска воды восточнее станции. Рыли всем, чем могли: лопатами, кайлами, пилили бензопилой «Дружба». Пришлось изготовить и дополнительный инструмент, использовать и штатные лопаты с тягачей. И всё же вода в верхнем озере прибывала очень быстро. В 9 часов она пошла по западной ложбине, затопила питьевое озеро, которое стало огромным, и, как горная река, устремилась на строительную площадку. Особенно бурный поток понёсся по направлению дизельной и кают-компании, начало подтапливать детали домов, приготовленные для строительства. Пришлось срочно отозвать часть людей с трассы канала на углубление русла потока, чтобы он не разливался по всей территории строительства, а пошёл по безопасному направлению. Расчищали русло, вытаскивали огромные камни, работая в ледяной воде голыми руками, вода заливала болотные сапоги, и все промочили ноги. Часть людей, под руководством Хосяинова, поднимала на кают-компанию потолочные щиты, оказавшиеся в воде. Поток достиг ширины, глубины и скорости средней горной реки, вода неслась с таким шумом, что рядом стоявшего человека приходилось звать криком. Русло расчистили, и основной поток пошёл по желаемому направлению между дизельной и кают-компанией. Ширина основного потока, без ответвлений и ручьёв, 10–15 метров, глубина больше 50 сантиметров. На рытье канала работали без отдыха. Емельянов бензопилой «Дружба» нарезал плотный снег с ледовыми прослойками на блоки, которые выкидывали в стороны, другие работали лопатами, ломом, ледорубами, кайлами на своих участках.

Работали с шуткой и весело.

31 января 1961 года

А меня всё время беспокоит моё состояние. Слабость и боли. Неужели это белокровие?! Что делать, если этот мой диагноз правильный? Обращаться к врачам, вернее, к врачу Рогозову? Но если даже белокровия у меня нет, он всё равно будет рекомендовать выехать на Родину, даже не рекомендовать, а пойдут слухи, которые дойдут до руководства, и меня, конечно, вывезут в Союз. А я помню, как мне пришлось быть на встрече возвращавшейся антарктической экспедиции, как их торжественно встречали родственники, товарищи, руководство института, и только от Мустафина все, кроме семьи, были в стороне. Он был назначен начальником станции «Восток», но не выдержал пребывания на высоте, разреженного воздуха, не смог перебороть себя, перетерпеть головную боль, кровотечения из носа, не смог адаптироваться и выехал на Родину. В дальнейшем ему уже путь в экспедиции был закрыт. Я не хотел попасть в его положение.

Если же у меня действительно белокровие? Насколько я знаю, излечиться от него невозможно. Значит, в перспективе у меня, при возврате домой, медленное угасание, болезненность, необходимость постоянного

контакта с врачами, больницами, зависимость от близких. Смерть немощным, беспомощным. Это меня тоже не устраивает. Пожалуй, лучше мне держаться до последнего, не поддаваться, не говорить ничего Рогозову и другим, не жаловаться, дожидаться, когда д/э «Обь» уйдёт на Родину, а там видно будет. Если у меня белокровие и я обречён на смерть, то лучше мне болеть и умереть в Антарктиде, на новой станции, и быть похороненным здесь. Хочу остаться в памяти родных, близких и знакомых таким, каким я был, — сильным, здоровым, деятельным, а не развалиной, надоевшей всем, измотавшей всех уходом за собой. А может быть, в случае моей смерти здесь, в Антарктиде, дочери Татьянке будут выплачивать какое-то содержание на воспитание.

В общем, в результате таких мрачных раздумий я пришёл к выводу, что мне лучше не уходить на д/э «Обь», а остаться на зимовку.

17 февраля 1961 года

Получил письмо-телеграмму от Геты:

«Причиной свинцового отравления является брусника, замоченная в глиняной глазурованной посуде. Симптомы: сильные боли в животе, тошнота, общая слабость, отвращение к пище, анемия. Лечение сводится к восстановлению качества крови. Беспокоит твоё молчание. Гета»

Теперь мне стало понятно, откуда у меня слабость и боли. Может показаться странным, но эта телеграмма меня как-то успокоила. Я-то думал, что у меня белокровие! А тут только свинцовое отравление. Уж с этим-то я справлюсь! И если с белокровием я решил остаться в Антарктиде, то со свинцовым отравлением я на Родину возвращаться не буду. Перезимую! Иду на поправку. Помогла ежедневная физическая работа вместе со всеми, работа до седьмого пота, часто через силу. Отравы выходит с обильным потом.

18 февраля 1961 года

Официальное открытие станции «Новолазаревская».

Продолжали строительство свинарника и начали прокладку тротуаров из досок, так как по камням ходить неудобно. К вечеру проложили тротуары от служебного здания до кают-компания, теперь от служебного и жилого домов можно пройти в кают-компанию в тапочках. Мне хочется навести на станции порядок и использовать для этого строителей. Станция и так смотрится очень хорошо, всем она нравится: чистая, новенькая. Попросил плотника Комарова, отличающегося художественными способностями, написать строгие таблички на дверях каждой комнаты и закрепить их оргстеклом: «НАЧАЛЬНИК», «РАДИОСТАНЦИЯ», «МЕТЕОКАБИНЕТ», «КАЮТ-КОМПАНИЯ», «КАМБУЗ», «ДИЗЕЛЬНАЯ», «БАНЯ» и т.д. Это придало зданиям строгий, деловой вид. Комаров оформил всё хорошо.

Между прочим, я запретил бесконтрольно вбивать в стены помещений гвозди. Ведь у нас очень часто бывает, что, когда человеку нужно повесить пальто, он, не задумываясь, вбивает в стенку гвозди, потом стена оказывается в некрасивых гвоздях. Чтобы избежать этого, я поручил Хосяинову изготовить деревянные вешалки разных назначений, вот их и пусть прибывают.

29 апреля 1961 года

Вечером почувствовал себя плохо Рогозов (врач). Зашёл к нему перед сном. Жалуются на боли в животе:

— По всем признакам это аппендицит. Я принимаю антибиотики, чтобы заглушить воспалительный процесс.

30 апреля 1961 года

После завтрака сразу зашёл к Rogozovу.

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Хуже, чем вчера. Температура поднялась, и рвота, боли в животе, в правой части. Аппендицит острый, теперь у меня сомнений нет. Нужно делать операцию.

— Я ещё вчера сообщил в «Мирный»; просил выслать врача для операции. Погода сегодня такая, что самолёт мы принять не сможем, даже если они вылетят с хирургом. Будем ждать.

— Владислав Иосифович, дело в том, что ждать-то времени нет.

— А что делать?

— Есть опасность, что аппендикс может прорваться, и гной разольётся, начнётся перитонит. Операцию нужно делать срочно. Я хочу попытаться сделать операцию сам себе. Подождите, не возражайте; никто такой операции не делал. Но мне важно сделать разрез, чтобы, даже если аппендикс прорвётся, гной не растёкся в брюшине, а вытек наружу. Не будет перитонита. Первый этап — сделать разрез. Это несложно. Ну а дальше будет видно по моему состоянию. Если затянуть, ожидая помощи из «Мирного», то я ослабну и уже ничего не смогу сделать. А сейчас уже нужно начать подготовку. Я всё продумал. Нужно ваше согласие и распоряжение.

— Я согласен с вами. Начнём подготовку.

Освободили жилую комнату от вещей, оставив только кровать Rogozova, две тумбочки и настольную лампу. Провели длительное облучение комнаты ультрафиолетовой лампой. Кабот усовершенствовал автоклав, вставил в него тэн, простерилизовали все материалы, необходимые для операции. Ассистентам Артемьеву и Теплинскому Rogozov сам простерилизовал руки, когда они уже были одеты в простерилизованные халаты. Показал и рассказал о медикаментах и инструментах, разложенных на подносе, которые он будет использовать во время операции, чтобы они подавали их ему по необходимости. На всякий случай я тоже надел халат, простерилизовал руки и надел резиновые перчатки. Вдруг кому-то из ассистентов станет плохо, тогда я мог бы его подменить. Rogozov лежал в кровати, подложив в изголовье несколько подушек, чтобы приподнять верхнюю часть туловища. Теплинский встал слева от него, а Артемьев справа, где находился весь инструмент. Я встал в ногах у спинки кровати. Остальные сотрудники собрались в соседней комнате.

Операция началась с того, что Rogozov простерилизовал операционное поле, а потом взял огромный шприц, наверное, кубиков на 20, и сделал несколько анестезирующих уколов в правой части живота, где он должен был проводить операцию. Когда Rogozov уже сделал разрез и копался у себя в кишках, отделяя аппендикс, кишки как-то булькали, и это было особенно неприятно, хотелось отвернуться, уйти и не смотреть, но я заставил себя остаться. Моё местоположение в ногах, у спинки кровати, позволяло хорошо всё видеть. Я пригласил Верещагина, и он сфотографировал этот момент операции. Артемьев и Теплинский держались, хотя, как потом выяснилось, и у того, и у другого закружились головы, и даже начало подташнивать. Мы все впервые присутствовали при операции. Сам Rogozov делал всё спокойно, но на лице выступал пот, и он просил Теплинского вытирать ему лоб. Основную помощь Rogozovu оказывал Артемьев, он подавал инструменты, убирал использованные, менял тампоны. Когда Rogozov удалил аппендикс, то пояснил нам, что операцию провели своевременно, так как уже начинался прорыв гноя. Когда он перешёл к зашиванию разреза, то попросил Теплинского лучше осветить рану настольной лампой, и даже попросил зеркало, чтобы лучше и красивее сделать шов. Операция продолжалась около 2 часов, и Rogozov закончил шить в 4 часа местного времени, т.е. около 00 часов московского. К этому времени Rogozov заметно обессилел, устал, но всё доделал. Ассистенты всё прибрали, слушая указания Rogozova, и пошли отдыхать. Rogozov принял снотворное, а я остался дежурить около него

в соседней комнате. Еле дождался, когда мог лечь спать, очень устал. Не так физически, как психологически. Беспокоился, конечно, как Rogozovu удастся провести операцию. Ведь это было впервые в мировой практике: врач сам себе удаляет аппендикс. Уже засыпая, я вдруг осознал: ведь если бы операция пошла неблагополучно и что-то случилось бы неприятное, тем более трагическое, то всю ответственность возложили бы на меня.

1 мая 1961 года. Понедельник

Праздничные мероприятия пришлось значительно сократить и оставить только ужин, да и его задержали на 2 часа. Перед ужином зашёл к Rogozovu. У него температура 38,1, но держится молодцом. Зачитал ему поздравительные телеграммы, пришедшие в адрес нашей станции, побеседовал с ним и только потом пошёл в кают-компанию.

Праздничный ужин прошёл без подъёма, хотя выпили все достаточно. Немного попели, потом смотрели кино. Все отдали должное Виктору Михайловичу, который постарался приготовить много вкусных блюд и закусок, красиво украсил стол. На фильме большинство уснуло, и вторую часть картины уже не показывали.

В своём дневнике хирург Rogozov позднее запишет: «Бедные мои ассистенты. В последнюю минуту взглянул на них: стоят в простынях, а сами белее простыней. Мне тоже страшно стало. Но когда взял шприц с новокаином, сделал первый укол, как-то автоматически переключился на операцию, уже другого в сознании не было. Работал без перчаток. Видно плохо. Больше действовал на ощупь».

Операция длилась 1 час 45 минут. Через 7 дней Леонид уже снял себе швы и вновь приступил к своим обязанностям. Работал до конца года не только врачом, но и метеорологом и даже водителем.

В Ленинград он вернулся героем. Тогда о Rogozove писали газеты страны и всего мира. Владимир Высоцкий посвятил ему песню:

Пока вы здесь в ванночке с кафелем
Моетесь, нежитесь, греетесь,
В холоде сам себе скальпелем
Он вырезает аппендикс.

30 декабря 1961 года. Суббота

Прилёг поспать, но через час Иван Михайлович меня разбудил и сказал, что самолёт с Дралкиным и Свиридовым вылетел от д/э «Обь» к нам, но они ещё сажались на мысе Ураганный для заправки и прилетели к нам около 5 часов. Встретил их у самолёта и пригласил к себе в кабинет, где подписали акты, обсудили организационные вопросы, просмотрели фотографии, наметили время завтрака и пошли осматривать станцию. Осмотрели все объекты, даже свинарник и уборную, и пошли завтракать. Виктор Михайлович к этому времени уже накрыл стол, принесли коньяк и спирт. Сели за стол в 7 часов. Rogachev прислал самолётом немного фруктов и овощей, картошки и помидоров, поэтому стол получился для нашего состава очень привлекательным, а для гостей Виктор Михайлович поставил на стол свежее сало и буженину нашего производства, Дралкину особенно понравилось сало, он и сказал первый тост:

— Я, конечно, уже слышал, что вы построили отличную станцию. Мне пришлось побывать на многих иностранных станциях, но ваша произвела на меня большое впечатление. Поражает продуманность расположения объектов, их обустроенность, удобство. Приятно видеть, что после зимовки весь состав в хорошем настроении, и сразу видно, что коллектив у вас дружный. Вот за ваш коллектив, за вашу станцию я и предлагаю выпить первый тост!

Потом выступил Н.М. Свиридов:

— Я был на этом месте ещё до строительства станции и теперь поражен, какую красивую станцию вы построили. Молодцы!

Двенадцатая Советская антарктическая экспедиция (1966—1968 гг.)

В эту экспедицию Гербович ехал уже как начальник экспедиции всего зимовочного состава, а не отдельной станции. База экспедиции размещалась на станции «Мирный».

8 января 1967 года

...Ночью к д/э «Обь» отправился морской отряд проверять трассу. Лёд очень быстро тает. Сотрудники отряда после многих проверок толщины льда, когда приходится бурить лёд вручную, очень устали и на обратном пути задремали в кузове вездехода. Большаков, водитель вездехода, решил сократить путь и свернул с дороги. И вдруг, идя на большой скорости, увидел впереди большую трещину. Он притормозил, но, поняв, что остановиться до трещины не сможет, нажал на педаль газа. Вездеход рванул, но трещину не перескочил, а ударился о противоположный край льдины. Счастливая случайность спасла всех. Вездеход, уже уходя носом под воду, задержался, зацепившись полученной вмятиной за противоположную льдину. Все успели выскочить на лёд, а вездеход вытащили проходящие недалеко тракторы.

Большакову это хороший урок. Сегодня над ним смеются, показывают на вмятину вездехода, на лоб Большакова, заклеенный пластырем, и говорят:

— Смотри, как Большаков лбом газик покалечил.

31 января 1967 года. Вторник

После вчерашнего похода на остров болит голова, но я решил сегодня же лететь на станцию «Восток». Начал готовиться к полёту. После обеда немного отдохнул, просушил обувь, надел шерстяное бельё, упаковал мешок с дополнительной тёплой одеждой. Савицкий принёс ящик с подарками для сотрудников станции «Восток», которые по моей подсказке приготовили всем сотрудникам. Эти подарки будут вручаться каждому ко дню рождения.

К станции «Восток» подлетели около двух часов ночи. Как только сели и подрулили к стоянке, к самолёту сразу подъехал тягач, чтобы принять груз. Самолёт не очень хороший, его сильно продувает, поэтому лётчики отделили кабину от остальной части салона. Но и в кабине холод чувствуется, поэтому ещё в полёте мы начали одевать тёплые вещи. Как только открыли грузовую дверь, в самолёт хлынул холодный воздух. Снаружи — 45 градусов. И это лето?! После приветствий, во время которых я с трудом узнавал восточников, так как у всех лица были закутаны шарфами и виднелись только глаза, принялись разгружать самолёт. Я схватил из тёплой кабины мешок картошки и понёс его к грузовой двери и сразу задохнулся. Очень разреженный воздух. Не хватает кислорода. Да ещё низкая температура. Кажется, что через нос не поступает достаточного количества воздуха, открываешь рот и похож на рыбу, вытасченную из воды. Но дышать ртом опасно, можно обморозить лёгкие. Вот все восточники и закутаны, а дышат только через шарфы.

1 февраля 1967 года. Среда

Спал плохо. В каком-то забытьи. Во-первых, очень трудно с дыханием. Пока не спишь, стараешься дышать глубже, так как из-за сильного разреже-

ния кислорода в воздухе недостаточно, но, как только засыпаешь, организм непроизвольно переходит на автоматический режим дыхания, привычный в нормальной атмосфере, сразу же начинаешь задыхаться и просыпаешься, стараясь вдохнуть больше воздуха открытым ртом. Бешено стучит сердце. Когда я лежал и не мог заснуть в один из таких промежутков-выплываний, вернее, выныриваний, замерил пульс, получилось около 100 ударов в минуту. Каждое движение, даже переворот с бока на бок, вызывает одышку.

Я встал. Голова тяжёлая. Принял таблетку цитрамона. Каждое движение сказывается на состоянии. Вот встал с постели, и приходится некоторое время пережидать, пока дыхание войдёт в норму. Одел рубашку — опять переждидай. Вспомнил, как перед экспедицией мы проходили медицинскую комиссию, и для проверки помещались в барокамеру, и «поднимались» на высоту 5000 метров, то есть создавалось разрежение атмосферы, свойственное этой высоте. Некоторые не очень хорошо переносили такое разрежение, я же воспринимал «подъём» с улыбкой. Но тогда не нужно было двигаться, не нужно было выполнять работу, и пребывание в таких условиях было кратковременным. А вот теперь, в действительности, оказавшись на высоте 3500 метров в течение длительного времени, я понял всю сложность адаптации к таким условиям. А восточникам нужно прожить здесь год. Я вспомнил Мустафина, назначенного начальником станции «Восток» и не выдержавшего пребывания здесь.

14 февраля 1967 года

...Долго беседовал с врачом Юрием Сенкевичем, который летит на станцию «Восток». Он довольно скептически отзывался о научной ценности полётов наших первых космонавтов, особенно о полёте Терешковой. Говорит, что культурный уровень у космонавтов низкий. Оказалось, что теперь иной взгляд на те требования, которые предъявляли первым космонавтам. Раньше считали, что в космос, как выразился Сенкевич, должны летать «бугаи», но обнаружилось, что сильные и напряжённые тренировки, которым подвергали космонавтов, создают отрицательный эффект. Перетренированный человек, ограниченный в движении и с незначительными затратами энергии, чувствует себя плохо. В связи с тем, что теперь перегрузка при взлёте и посадке значительно снижена, лететь в космос может любой здоровый человек.

Юрий Сенкевич — сотрудник Института космической медицины — должен проводить исследования на станции «Восток», так как условия жизни там близки к космическим: полная изоляция в течение года, ограниченность в движении, кислородное голодание, низкие температуры, очень малый коллектив.

20 марта 1967 года. Понедельник

Во всех жилых и служебных зданиях «Мирного» много тараканов, особенно в кают-компаниях и на камбузе. Все экспедиции вели с ними борьбу, но безуспешно, как в песне, где дед боролся с четырьмя тараканами и сверчком. Мы тоже решили провести дезинсекцию, но более основательно и не один раз, а как минимум два. Вчера после кино в кают-компаниях готовились к этому, убирали муку, продукты и посуду. Борьба с тараканами окончилась нашим поражением.

20 апреля 1967 года. Четверг

Позвонил Улитин и напомнил, что я обещал пойти с ним и Алимовым к колонии императорских пингвинов. Погода хорошая, и я решил сделать этот поход массовым, т.е. пригласить свободных от вахты и дежурства. Позвонил на радиостанцию и дал указание объявить о сборе желающих идти в колонию пингвинов в 10 часов 30 минут у моего дома. Набралось 25 человек, все с фо-

тоаппаратами. Посоветовал взять палки и надеть резиновые сапоги. В книге выходов сделали запись о выходе, цели, составе и времени примерного возвращения. На припай спустились у мыса Мабус. Колония пингвинов видна даже из «Мирного», хотя до нее около трех километров. Издалека это черная полоска, так как пингвины группируются между айсбергами, укрываясь от ветра. Стоят они очень тесно, в общей массе довольно ясно обозначены несколько больших групп, между которыми есть разрывы или просто меньшие группы. Видно, что они уже разобрались по парам, хотя в некоторых местах наблюдаются и «третьи лишние» — там обычно слышно хлопанье ластов, это соперник старается войти в группу, точнее, в пару. Иногда он действует активно, и происходит взаимный обмен ударами ласт, а иногда претендент просто старается притереться, жметя к даме, не обращая внимания на удары, стоит, понутив голову, и делает вид, что ничего не понимает. Пингвины издают крики, не открывая клюва. Издают они два рода криков. Один звук похож на крик гуся, только чуть более высокий и длинный, а второй — это серия таких криков, но более коротких, причем у всех эта серия состоит из одинакового числа составляющих. Вероятно, они так же кричат под водой, используя эти звуки для локации, как дельфины.

21 июля 1967 года. Пятница

Небольшое дутье. После завтрака сел работать, но позвонил Игнатченко и пригласил на переговоры со станцией «Южный Полюс», где зимует Астахов. Слышно было довольно хорошо. Астахов рассказал о своей жизни и работе. Отношение американцев к нему хорошее, а начальник станции Вейнингер приглашает его после зимовки к себе в гости в Вашингтон. На станции вместе с Астаховым 21 человек, это научные сотрудники и вспомогательный состав от военно-морских сил США. Отношения между ними хорошие, научные сотрудники не выполняют бытовые работы, не моют посуду, не участвуют в уборке и т.п. Станция находится под снегом, все дома соединены общей крышей, что дает возможность иметь довольно много помещений с положительной температурой, как бы дворы. Имеется клуб, где можно в любое время посмотреть кино, слушать музыку, читать. Воды достаточно, и получают ее в баке на 10 кубических метров, который загружается снегом и подогревается форсунками, производительность его около 40 метров кубических в сутки. Это дает возможность в любое время пользоваться баней, иметь комфортабельную уборную со смывкой. Астахов пытался показать американцам, что такое русская баня с паром, и даже изготовил веник из полиэтилена, но ничего из этого не вышло. Наши отчеты они получают и с интересом читают, хотя некоторые вопросы и возникают. Например, Астахову долго пришлось объяснять американцам, что представляет собой двухпудовая гиря (32 килограмма) и для чего мы ее выбрасываем. После его объяснений они решили, что это одно из русских чудачеств, так как для подъема тяжестей у них есть штанга. У Астахова возникли затруднения, так как ему не разрешили наши власти брать с собой спиртное, и теперь американцы угощают его, а он в ответ их угостить не может, поэтому просит, если будет оказия (самолет), прислать ему спиртное. Чувствовалось, что он очень соскучился и разговор его очень растрогал, даже до дрожи в голосе. Непонятно, почему начальство из Москвы запрещало нам раньше вести переговоры с ним. Согласие мы получили только после вторичного запроса, после того как разрешили подобные разговоры для американца Макнамары, зимующего у нас на «Молодежной».

22 июля 1967 года. Суббота

...В этом году нет приплода ни у свиней, ни у кроликов, и даже собаки своих щенков придавили. Абрамов, как охотник, снял шкурку с погибшей при родах пингвинихи и отдал ее мне, а я перенес шкурку на чердак дома. Нес ее

в брезентовых рукавицах подвешенной на веревке, но этого оказалось достаточно, чтобы я весь пропах ворванью. Шкурку повесил на чердаке, там же пришлось оставить и рукавицы, пахнувшие рыбьим жиром.

24 июля 1967 года. Понедельник

...За обедом Рябинин сообщил, что в пингвиньих яйцах, положенных в термостат, слышен писк, и все сразу заспорили, смогут ли птенцы сами пробить скорлупу, или нужно разбить. Может, пингвины, услышав писк, разбивают скорлупу. А если пингвинята выведутся, то чем их кормить? Пингвины кормят своих птенцов «птичьим молоком», которое они вырабатывают из жира в своем желудке. Вероятно, с этим молоком они дают пингвинятам и вещества, которые необходимы в первый период жизни. После сбора по телефону сведений от начальников отрядов для диспетчерской радиограммы зашел к врачам послушать писк пингвинят в яйце. Действительно, из яиц слышен писк, когда их пошевелить. Это действует ошеломляюще. Яйцо, которое три месяца пролежало в термостате, вдруг обнаруживает жизнь. Многие приходят послушать этот писк. Большинство любопытных удивляются тому, что птенцы до сих пор не задохнулись в скорлупе. Но пiski слышны уже дня четыре, значит, птенцы как-то дышат, значит, так и должно быть. Они, вероятно, сами должны выходить, как цыплята. Или нужно разбить? Но раз врачи взялись проводить этот эксперимент, взяли на себя такую ответственность, то пусть они сами и решают, что делать...

2 августа 1967 года. Среда

...Я решил съездить к колонии императорских пингвинов на вездеходе, и со мной поехал Рябинин. Остановились от колонии примерно в 500 метрах, чтобы не пугать птиц. Колония переместилась ближе к айсбергам, вероятно, укрываясь от ветра. Было много бездетных птиц, которые, возможно, потеряли яйца или птенцов или у которых птенцы погибли. Если стоять спокойно, то они подходят совсем близко, курлыкают и всем видом показывают, что они свободны, в сумках нет яиц или птенцов. Встанет рядом, голову опустит, а сумку поднимет, заглядывает в нее и тянет звук, похожий на звук, издаваемый кареткой большой пишущей машинки, когда ее тянут вправо. Иногда происходили непонятные переходы, вдруг все начинали хлопать крыльями. Затем снова успокаивались. Я немного отошел от Лебедева и Рябинина, опустился на колени и стал ниже, почти равным по росту пингвинам. Меня сразу окружило много птиц. Подошли совсем близко. Когда стоишь во весь рост, они так близко не подходят. Стояли и просили яйцо или птенца. Вдруг в этой толпе произошла свалка. Пингвины лезли в круг, пытались протиснуться в центр, ложились, отесняли друг друга, даже клевались. Я подумал, что это спаривание, удивился только, что так поздно. Потом понял, в чем дело.

Рябинин, который продержал пингвиньи яйца в термостате, так и не решился разбить их, ожидая, что пингвинята сами вылупятся. Но писк стих и птенцы, вероятно, погибли. Теперь он решил взять у пингвинихи насиженное яйцо и уже в термостате додержать его до писка, помочь вылупиться пингвиненку и продолжить эксперимент по выкармливанию и выращиванию. И вот он, заметив пингвиниху с яйцом в сумке, попытался отеснить ее, но напугал другую, и та выронила птенца, голенького, тощенького, беспомощного. А холодно страшно, мороз всего 20 градусов, но ветер такой вьедливый, пронизывающий, что пробирает насквозь. Я, одетый в специальный костюм КАЭ, в шапке, в рукавицах, в валенках, уже замерз здорово, а тут голенькое тельце. Что тут началось! Ближайшие пингвины бросились к птенцу, каждый старался засунуть его в сумку к себе, но птенец был еще совсем маленький, сам в сумку забраться не мог, а пингвины толкались, мешали друг другу. Боясь, что они насмерть задавят малыша, я еле успел его отнять и потом попытался под-

сунуть одному из взрослых в сумку, но это не так просто. Другие тоже хотели получить птенца, и опять все бросились ко мне, стараясь отпихнуть и клюнуть соперника. Понятно стремление поскорее спрятать малыша в теплую сумку, но, торопясь, они иногда даже ранили его клювом. Пришлось опять отогнать всех, оставить одного, чтобы он мог спокойно спрятать птенца. Пока возились с птенцом и спасали его от глупых пингвинов, тот, с яйцом, затерялся в толпе, а обнаружить, у кого яйцо, а у кого птенец, просто так невозможно. Нужно ждать, когда пингвин заглянет в свою сумку. Потом все же нашли пингвина с яйцом, и Рябинин добыл яйцо, сунул его за пазуху, и мы побежали к вездеходу. Бежать против ветра было очень неприятно, лицо сразу прихватывает, пока бежали 500 метров, очень замерзли, костюмы спецпошива продуваются и никуда не годятся...

2 сентября 1967 года. Суббота

Забыл написать, что в среду, на диспетчерском совещании, Игнатченко, не называя фамилии, приводил примеры бестактных телеграмм, которые посылают полярники женам со станций «Восток» и «Новолазаревская». Один посылал жене очень часто ругательные телеграммы, и она ему наконец ответила: «Ты просто дурак!» Другая жена, обращаясь к мужу за деньгами, каждый раз спрашивала: «Ну как, ты уже привык к Антарктиде?» Наконец разъяренный восточник ей написал: «Сколько раз тебе нужно повторять, что к Антарктиде привыкнуть невозможно?! Ее можно только терпеть из-за каких-то целей, в нашем случае — чтобы посылать тебе деньги».

29 октября 1967 года. Воскресенье

После обеда погода улучшилась, и я желающим разрешил сходить по припаю на остров Хасуэлл, ну и сам пошел. На припае у барьера начали фотографировать тюленя, сначала он пытался удрать, но мы его окружили, и он начал огрызаться. А я решил применить старый прием, начал с ним разговаривать и потихоньку чесать палкой шею, несколько раз он бросался на меня, а потом успокоился, разлегся, закрыв глаза от удовольствия, что нашим фотографам и кинолюбителям не очень понравилось, так как им больше подходили кадры, когда он бросался на меня с открытым ртом. На острове все разбрелись, я нашел большую колонию пингвинов Адели, они суетливые, драчливые, в колонии все время шумят, воруют друг у друга камешки для гнезда, из-за этого шум и драки. Наблюдал такую картину. Одна пара ругается с соседкой. С места не сходят, тянутся клювами, орут, пытаются укусить друг друга, как соседки на кухне. Рядом находится еще одна пара: она лежит в гнезде, обложенная камешками, а он стоит рядом и ждет. Как только скандалисты увлекаются руганью, он спокойно и осторожно подходит сбоку к первой паре и, взяв камешек из гнезда, тащит его к своему гнезду и укладывает. Если его попытку замечают и пингвины первой пары поворачиваются к нему, тогда он делает вид, что и смотреть на их гнездо не хочет, что его совсем неправильно поняли, он вовсе не то хотел сделать. Наблюдал, как некоторые пингвины поют. Встанет такой солист, грудь вперед, крылья в стороны и, вытянув шею вверх, что-то поет, это пение похоже на клокотание и бульканье, а потом переходит в хриплый крик, как у гуся. Пахнет от колонии неприятно.

Солнце печет лицо через ветровое стекло вездехода. Снег стал вязким, и вездеходы шли с трудом. Мы проводили наблюдения, а Лебедев проехал вперед для поисков переезда через трещину. Когда трещину переехали, то я поехал первым и немного стороной от прежнего следа, снег стал тверже, и я, торопясь в «Мирный», гнал на четвертой передаче и вдруг увидел перед собой широкую трещину. Откуда она?! Казалось, что мы ее переехали. Тормозить уже поздно, а трещина широкая, при торможении как раз и нырнешь в нее. Соображать пришлось быстро, и я решил прыгать на вездеходе через нее, до-

бавил скорости, нажав педаль газа до пола. Вездеход перелетел через заснеженную трещину, ударился о противоположный край, страшно трягнуло, но выскочил на противоположную сторону. Я выскочил из кабины, чтобы предупредить следовавшего за мной на вездеходе Лебедева, но он уже перепрыгнул трещину немного в стороне, в более узком месте. Я пошел посмотреть трещину. Она оказалось около трех-четырех метров и присыпана снегом. Поэтому я и заметил ее поздно. Наш вездеход не полностью перепрыгнул трещину, его задняя часть попала на снег, присыпавший трещину, снег проломился, и выступила морская вода, но все же, по инерции, вездеход выбрался. Дальше уже до «Мирного» доехали без приключений.

1 декабря 1967 года. Пятница

Мне исполнилось 40 лет! Я самый молодой из начальников антарктических экспедиций! И у меня много планов на будущее. Во-первых, я хотел бы быть начальником 15-й САЭ, во-вторых, я планирую подготовить и защитить докторскую диссертацию, и тема у меня уже намечается — по спутниковым данным о ледовитости вод Антарктики составить карты, разработать таблицу, дающую возможность прогнозировать, в-третьих, мне хотелось бы купить или построить дачу на берегу моря, залива или большого озера. Есть и еще планы, но о них я не хочу говорить и писать. Да и то, о чем я уже написал, я никому не говорю, все держу при себе.

В те годы имя Гербовича стало часто звучать и в статьях журналистов, и по радио, и по телевидению, когда речь заходила об Антарктике. Гербович приобрел известность и за рубежом. Он уже писал докторскую диссертацию и был на взлёте карьеры и популярности, когда трагический случай в одно мгновение разделил его жизнь на две части: «до» и «после».

В 1971 году Владислав с Гетой ехали на своей «Волге» по Ленинграду, когда около метро «Чернышевская» сбоку на большой скорости, нарушив все правила дорожного движения, в них врезалась такси. От мощного удара обоих Гербовичей выбросило на дорогу, менее травмирована была Гета, а Владиславу сильно разбило голову, травмировало все внутренности, спасло в тот момент лишь то, что за ними ехала машина «скорой помощи».

Позднее Владислав рассказывал, что когда в тот трагический день он неподвижно лежал в реанимации, то услышал, как, видимо, профессор, проходивший с группой студентов, бросил: «А этот после страшной автокатастрофы вряд ли выживет. Травмы, не совместимые с жизнью». Эти позвучало как приговор, но Гербович мысленно собрался и приказал всему организму, каждой клеточке тела выжить.

Вся верхняя часть черепной коробки и её основания были разбиты на кусочки, в мозгу огромная гематома, хирурги сделали несколько сложных операций и поставили пластмассовую коробку, натянув на неё кожу, и снаружи рана даже не была видна.

В тот же год, выписавшись из больницы, Владислав демонстративно подъехал на машине к больнице и отвёз лечащего врача домой. Тот сказал: «В лучшем случае при таких травмах люди обычно остаток жизни бывают прикованы к постели или инвалидной коляске, вы же сделали невозможное для человека, поставив себя на ноги. Мы, врачи, помогали вам, вы помогали врачам».

«Второй раз родился», — говорил потом Владислав. А раз родился, то надо жить по-полному, радоваться жизни, быть полезным людям, трудиться, творить. Но как, если мучают непрерывные головные боли, переходящие временами в непереносимые?

...Шли годы. Владислав отказался оформлять инвалидность и ещё много лет трудился в родном институте, в отделе географии полярных стран, часто спаса-

ясь от головных болей под горячим душем. Старался уезжать на дачу, чтобы своим болезненным состоянием никого не беспокоить.

В тяжелейшие перестроечные годы, когда нелегко было и здоровым, Владислав почти всё время, даже зимой, жил на даче, в деревне Владимировке, завёл там пчёл и несколько коз, сам ухаживал за ними, кормил, доил, готовил сыр и другие молочные продукты. Вёл большую переписку с бывшими сослуживцами-полярниками, друзьями студенческих лет, часто принимал гостей.

Когда я изредка приезжал в Петербург, то непременно навещал Владислава, но предварительно звонил ему по телефону, так как иногда он просил перенести встречу на другой день из-за плохого самочувствия. Последняя наша встреча состоялась в июне 2001 года...

В мае 2004 года пришло письмо от Геты. Она сообщала, что Владислав скончался 8 апреля после второго инсульта. Похоронили его на сельском кладбище недалеко от деревни Владимировка, там же и отпевали. Владислав Иосифович был верующим человеком. Кроме родных приехали попрощаться его верные друзья и товарищи по работе.

Закончить я хочу выдержками из письма Геты — Гертруды Ростиславовны Гербович.

«Он был рожден лидером, обладал даром увлекать людей за собой, что блестяще проявилось у него в жизни и работе на зимовках, в экстремальных природных условиях.

«В жизни всегда есть место подвигу» — расхожее присловье. Однако зачастую упускается из вида, что подвиг в мирное время требуется, как правило, когда к трагедии приводят разгильдяйство, безалаберность, чьё-либо упущение. Жизненным же кредо Владислава Иосифовича как руководителя была как раз борьба с разгильдяйством и безалаберностью. Возможное исключение всех и всяческих ЧП, строгое соблюдение порядка и дисциплины позволяют жить и работать без подвигов!

Отсюда жёсткие требования к соблюдению всех установленных правил, инструкций, недопущение расхлябанности, отсебятины, одним словом, предельно строгий режим и личный пример.

Не всем это нравилось, но все признавали и уважали Владислава Иосифовича; именно так он заслужил авторитет в коллективе, стал человеком-легендой.

Больше это или меньше подвига?

По-моему, больше, так как подвиг — это эмоциональный порыв, часто почти неосознанный, а для работы в таких суровых условиях надо быть личностью, и он ею был. Героической была его жизнь в течение 17 лет работы в Арктике, а затем в Антарктиде, но настоящим подвигом всё же была его жизнь после аварии в 1971 году, когда были разрушены все его жизненные планы и мечты.

/.../ Только сила воли и любовь к жизни во всех её проявлениях позволили прожить после аварии 33 года из отпущенного ему семидесятишестилетнего срока.

...Наше знакомство состоялось в далёком 1947 году и продолжалось более 56 лет, из которых 51 год и 9 месяцев мы прожили вместе, одной семьёй.

Было ли с ним легко и просто? Конечно, нет. Но я счастлива, что моя жизнь прошла рядом с этим человеком».

**Публикация, предисловие, послесловие и комментарии
Юрия ВЛАДИМИРОВА**